

ПЕРЕВОДЧИК ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА АНАСТАС СЕЛУНСКИЙ¹

Миграция греков в Россию в период раннего Нового времени носила постоянный характер и прекращалась лишь в моменты острых политических конфликтов [Каптерев; Дмитријевич; Исторические связи; Москва — Сербия; Захарьина; Флоря, 1978; Флоря, 1982; Флоря, 1983]. На время ее приостановила гражданская война эпохи Смуты. Восстановление русской государственности и утверждение династии Романовых породили новый приток православных выходцев из Османской империи и ее вассальных государств.

Уже в первые годы правления царя Михаила Федоровича в Россию стали прибывать единоверцы, чему в немалой степени способствовало возобновление русско-турецких дипломатических контактов. Греки, рассчитывающие перебраться под «высокую государеву руку», стремились воспользоваться присутствием в Стамбуле русских дипломатов. Поездки московских представителей всегда сопровождались выходами на царскую службу.

К числу наиболее ранних примеров переселения греков в Россию при первых Романовых относится выезд «на государево имя» Анастасия Иванова, получившего позже фамильное прозвище Селунский. Подобное наименование русские чиновники давали иммигрантам, местом рождения которых называлась «Солунь» (Фессалоники). Большинство подобных выходцев не было связано между собой родственными узами, зачастую на родине они принадлежали к разным стратам. Соответственно, варьировался и их социальный статус в России. Одни иностранцы с именем Селунские входили в Государев двор, другие становились профессиональными военными Иноземского приказа. Более того, носители подобного фамильного прозвища не всегда были этническими греками. Известен пример православного еврея из Османской империи Абрама (в крещении Ивана) Селунского, ставшего после многолетней службы в Иноземском приказе переводчиком Посольского приказа [Опарина, 2003; Опарина, 2007, с. 316–335].

Отделить Анастаса от прочих многочисленных Селунских в России XVI и XVII в. достаточно сложно. До середины XVII в. здесь находилось около восемнадцати человек с подобным фамильным прозвищем [Опарина, 2016].

Документация царского архива пострадала в пожаре 1626 г. Среди погибших материалов Посольского приказа должно было быть и дело о выезде Анастаса Селунского. Оно существовало еще в 1624 г., когда на него ссылался ближайший родственник иммигранта: «И выезд и верстанье брата моего в Посольском приказе (есть. — Т. О.)»².

Не сохранившийся до настоящего времени комплекс делопроизводственных документов о приезде Анастаса Селунского позволяет реконструировать дела других иностранцев. Краткие сведения о нем дошли в составе материалов о выездах иных подданных Османской империи. Назначенное Анастасу Селунскому жалованье за принятие русского подданства стало образцовым для других «нововыезжих гречан»³. Оно повторялось служащими Посольского приказа в качестве примера при выяснении награждения новым иммигрантам. Кроме того, Анастас Селунский сам спустя много лет в челобитной сжато воспроизвел сведения о своем выезде⁴, мотив которого он сформулировал лишь краткой этикетной фразой: «Слыша государскую милость и призренье к нам, иноземцом»⁵.

¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ, международный проект КЕРИЕ, № 12-21-14001. Приношу благодарность Б. Л. Фонкичу и Э. Е. Оборновой за помощь в подготовке статьи.

² РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1624 г. № 3.

³ РГАДА. Ф. 52. 1620 г. № 2. Л. 12; Ф. 150. 1624 г. № 3; Ф. 52. 1627 г. № 5; Ф. 150. 1627 г. № 6.

⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1629 г. № 8.

⁵ Там же. Л. 1.

Из этих поздних документов следует, что переселение Анастаса Селунского в Россию произошло между 1614 и 1615 г. Сообщается, что иммигрант присоединился к русскому посольству Солового Ивановича Протасьева и Михаила Данилова. Известно, что исполнявший обязанности дипломата стрелецкий голова Соловой Протасьев в сопровождении дьяка Михаила Данилова побывал в Стамбуле дважды. В 1613 г. ему было поручено известить Порту о восшествии на русский престол царя Михаила Федоровича. Посольство вернулось в Москву в 1614 г. и уже на следующий год вновь отправилось в Османскую империю⁶. Датой выезда Анастаса Селунского обычно называется «123 год»⁷, то есть 1614/1615 г., что возможно отнести как к первой, так и ко второй поездке Солового Протасьева. Наиболее предпочтительным представляется 1614 г. Впоследствии его родственник описывал выезд Анастаса следующим образом: «И как де царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси учинился на своем царьском престоле, и были во Царегороде посланники Соловой Протасьев да Михаил Данилов. ...И с ними выехал на государскую службу... Анастас Иванов сын Селунской»⁸. Речь, скорее всего, идет о первой дипломатической миссии правительства Михаила Федоровича при установлении контактов с правительством султана Ахмеда I. В таком случае Анастас Селунский сразу воспользовался открывшейся возможностью перебраться в Россию.

Можно предположить, что встреча подданного Османской империи с представителями царской администрации произошла в турецкой столице. Именно поэтому местом выезда Анастаса Селунского⁹ документы называют как «Селунь», так и «Царьгород», в результате чего в ряде материалов Посольского приказа иммигрант значился среди лиц, выехавших из Константинополя.

В любом случае, в составе русской дипломатической миссии иностранец беспрепятственно достиг Москвы. В Посольском приказе ему назначили вознаграждение за принятие русского подданства: «Дано ему государева жалованья за выход 40 рублей, да тафта да сукно доброе»¹⁰, «поденного корму по гривне на день да питья по 3 чарки вина, по кружке меду да по 2 кружке пива на день»¹¹.

Размер царских пожалований свидетельствует о признании достаточно высокого статуса нового русского подданного. К сожалению, происхождение и характер деятельности Анастаса Селунского на родине сохранившиеся источники не указывают. Поздние документы дают представление о семейном круге иммигранта. Двоюродный брат Анастаса — Константин Юрьев сын Селунский — причислял свой род к высокому сословию. Статус своего отца он указал как «городничей в Килитроне городе». Другим двоюродным братом Анастаса был севастикийский митрополит Иосиф¹². Скорее всего, речь идет не о турецкой администрации, а о главе православной общины города. Судя по родственным связям, Анастас Селунский принадлежал к знатной фамилии, что было оценено русской стороной. Очевидно, в России Анастаса Селунского отнесли к категории тимариотов или же представителей местной администрации Османской империи. Статус на родине определил и степень образованности. Анастас Селунский владел греческой письменностью, но, наиболее вероятно, прошел домашнее или же монастырское обучение. Пребывание вне пределов Османской империи в европейских университетах, видимо, оказалось для Анастаса Селунского невозможным, о чем свидетельствует, например, незнание им латыни.

⁶ ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. Стб. 28; АИ. СПб., 1836. Т. 3. Стб. 22, 35.

⁷ РГАДА. Ф. 52. 1620 г. № 2. Л. 12; Ф. 150. 1624 г. № 3; Ф. 52. 1627 г. № 5; Ф. 150. 1627 г. № 6.

⁸ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1624 г. № 3. Л. 5.

⁹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1627 г. № 5; Ф. 150. Оп. 1. 1627 г. № 6.

¹⁰ РГАДА. Ф. 150. 1627 г. № 6.

¹¹ Там же.

¹² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1635 г. № 7. Л. 37. Сведения предоставлены З. Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

Происхождение и профессиональные навыки определяли положение иммигрантов в России. Важнейшей категорией иммигрантов были иностранные специалисты, обладающие профессиями, востребованными в Московском государстве: врачи, рудознаты, ювелиры, артиллеристы и др. В большинстве случаев они имели свидетельствованные грамоты. Такие иностранцы зачислялись в Аптекарский, Пушкарский приказ, Оружейную палату, Царские мастеровые палаты. Анастас Селунский не вошел ни в один из узкопрофессиональных приказов. Он не обладал подобными знаниями и опытом. Не учившийся в европейских университетах, грек не мог иметь медицинского образования и, соответственно, попасть в Аптекарский приказ. С другой стороны, семья Анастаса Селунского обладала положением, значительно превышающим положение ремесленников. Это исключало непрестижную для него работу в Оружейной палате и Царских мастеровых палатах.

Знатному иностранцу открывались пути в русское привилегированное сословие. Но в 10-х годах XVII в. к иммигрантам предъявлялись высокие требования. В предшествующий период правлений Федора Иоанновича, Бориса Годунова и Лжедмитрия I в Россию переселялись представители аристократии бывшей Византии. Они зачислялись в Государев двор. Ярким примером служит выезд сына воеводы Фессалоник Дмитрия Аргилова Селунского, привезшего трех сыновей — Ивана, Аврама и Палеолога (Павла) [Флоря, 1983, с. 78–80; Павлов, с. 115; Народное движение, с. 137]. К моменту выезда Анастаса один из сыновей воеводича — Иван — совмещал чин московского дворянина с должностью в Посольском приказе [Лисейцев, 2015, с. 214–215]. Переводчик Иван Селунский мог оформлять документы Анастаса Селунского о принятии подданства.

Потомки Дмитрия Аргилова Селунского обладали значительно более высоким статусом на родине по сравнению с родом Анастаса Селунского. В начале XVII в. иммигранты уровня Анастаса Селунского не признавались достойными Государева двора. Кроме того, сразу после Смутного времени еще не сложилась практика получения рекомендательных грамот патриархов Христианского Востока, обеспечивающих вхождение в московское дворянство. Видимо, Анастас Селунский не нашел подтверждений своего благородного происхождения.

Самым распространенным способом применения опыта иммигрантов в России была военная служба. Не имея информации о роде деятельности Анастаса Селунского на родине, невозможно определенно говорить о его первоначальном социальном положении и профессии. Но в России местом службы Анастаса Селунского стал Иноземский приказ¹³. При этом следует помнить, что в это военное ведомство попадали не только наемники или дворяне иных стран, но и все иммигранты, не имеющие рекомендательных и свидетельствованных грамот и, как следствие, не записанные в узкопрофессиональные приказы или боярские списки. Примером зачисления в Иноземский приказ крайне далекого от военной службы человека является судьба в России уже упомянутого православного еврея Аврама Селунского.

Как и Абрам, Анастас Селунский оказался в военном ведомстве для иностранцев, где находился 12 лет¹⁴. Документы Иноземского приказа дошли до нас фрагментарно, наиболее ранние дела относятся к 1628 г., когда Анастас Селунский уже покидал солдатскую службу. Первоначальный поместно-денежный оклад неизвестен, но впоследствии он составлял 500 четей и 30 рублей¹⁵. В 20-е годы XVII в. это был самый высокий поместно-денежный оклад для «нововыезжих гречан», который был в Панском (Иноземском) приказе¹⁶. Известно также, что поденный корм к концу его службы в военном ведомстве составлял по гривне на день¹⁷.

¹³ Был приписан к Иноземскому приказу с поместно-денежным окладом в 500 чети и 30 рублей (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1637 г. Д. 3. Л. 6, 50, 58, 81, 112, 113, 144, 146, 156, 159, 168, 209, 210, 213, 217).

¹⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1628 г. № 8. Л. 1.

¹⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1627 г. № 5. Л. 2; Ф. 123. Оп. 1. 1637 г. Д. 3. Л. 6, 50, 58, 81, 112, 113, 144, 146, 156, 159, 168, 209, 210, 213, 217.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 35. Л. 159.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 40. Л. 154.

В составе рот Иноземского приказа за полтора десятилетия кормовой иноземец Анастас Селунский должен был перенести все тяготы армейской жизни, пришедшиеся на период преодоления последствий Смутного времени. Положение верховной власти оставалось шатким, царские войска подавляли казацкие мятежи 1614–1615 г. В борьбе государства с системой «приставств» мог быть задействован и Анастас Селунский. Иностранец должен был стать и участником боевых действий в 1618 г., когда гарнизон Москвы выдержал осаду армии польского принца Владислава. После подписания мирных соглашений с Речью Посполитой и Швецией и установления мира подразделения Иноземского приказа регулярно направлялись на южные границы государства для защиты от крымских и нагайских набегов. «Тулская служба» Украинного Разряда была обязательной для всех чинов русской армии. В своей челобитной греческий иммигрант указывал, что с момента выезда «служил государем всякие службы со своею братьею, с пожалованными иноземцами, и никакие службы не оставывал»¹⁸. Однако представляется, что основная деятельность грека в Иноземском приказе свелась к канцелярской работе. Он обладал редким для иностранцев почерком профессионального русского писца [Фонкич, Калугин, с. 284–285], который никак не мог усвоить во время боевых действий. Можно предположить, что он стал полковым писарем.

Но, безусловно, на Анастаса Селунского распространялись все требования, предъявляемые к русским подданным, в том числе и иностранным. Служилые иноземцы лишались возможности общаться с жителями других стран. Любые контакты через границу строго воспрещались и жестко карались. Иностранцы не имели права переписываться с родственниками за рубежом. Тем не менее Анастасу Селунскому, вероятно, удавалось передавать сведения о себе в Фессалоники. Можно предположить участие в этом греческих купцов, постоянно курсирующих между Россией и Османской империей, а также переводчиков и толмачей Посольского приказа, выезжающих в составе посольств в Стамбул. Об Анастасе Селунском знали и помнили члены его семьи.

Благополучный выезд дал основание для миграции других представителей фамилии Анастаса Селунского. В 1624 г. в составе посольства Ивана Кондырева и Тихона Бормосова в Россию приехал «греченин» Константин Юрьев сын Селунский, назвавшийся двоюродным братом Анастаса¹⁹. Находясь в Константинополе, он узнал о появлении в османской столице русской дипломатической миссии. Константин Селунский сумел войти в контакт с толмачами посольства, у которых выяснил судьбу родственника: «И нынеча, как был в Цареграде государев посол Иван Кондырев... и... проведаль у государевых толмачей, что тот брат мой на Москве жив и царским жалованьем пожалован неоскудно»²⁰. В передаче служащих Посольского приказа эти слова звучали интонационно чуть иначе: «А как же ныне были у турского (царя. — Т. О.) во Цареграде государевы посланники Иван Кондырев да Тихон Бормосов, и слышал де он от толмачей, что брат ево Анастас в государственной милости, и поместным и денежным жалованьем, и выходом, кормом денежным и питьем пожалован и служит государю с иноземцы»²¹.

Информация послужила толчком к переселению. В числе четырнадцати других иммигрантов родственник переводчика устремился в русскую столицу. Дело о выезде Константина Юрьева сына Селунского сохранилось в Посольском приказе²². Для настоящей темы представляет интерес версия о его происхождении, изложенная Константином Селунским во время расспроса в дипломатическом ведомстве. Иностранец сообщил, что «отец де ево в Турской земле за Селунею в Килитроне городе был городничей. А было за ним поместье три деревни да сверх того шло

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГАДА. Ф. 150. 1624 г. № 3; Ф. 123. Оп. 1. 1637 г. Д. 3. Л. 6, 50, 58, 81, 112, 113, 144, 146, 156, 159, 168, 209, 210, 213, 217.

²⁰ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1624 г. № 3. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 5.

²² Там же.

отцу ево в жалованье по 4 гривны на день. И отца де ево не стало тому 15 лет»²³. О себе же он смог сказать только следующее: «А он де после отца никакие службы не служил. А турской де царь за отца ево службу давал ему поденного корму по 10 алтын на день»²⁴. Очевидно, что не имевший шансов продвижения по социальной лестнице и не востребованный на родине Константин Селунский предпочел переезд в Россию. При этом иммигрант описывал значительный статус своей фамилии в Османской империи и ее включенность в турецкую административную систему. Можно предположить, что и семья Анастаса Селунского занимала сходные позиции. Служащие Посольского приказа уравнивали двоюродных братьев и определили Константину Селунскому содержание по аналогии с Анастасом. Жалованье за выезд, поместно-денежный оклад были назначены «против Анастаса Селунского». Награждение за принятие русского подданства датируется 10 июня 1624 г.²⁵

Род деятельности братьев в России также оказался одинаковым. Константин, не имевший должностей и служб в Османской империи, был зачислен рядовым военным в Иноземский приказ. В военном ведомстве он находился до 1628 г.²⁶ Его военная карьера продлилась недолго. Грек не перенес суровых походов. После очередного пребывания на южной границе для охраны от татарских набегов он скончался: «Костянтин в нынешнем во 137-м году в октябре месяце, как пришел з государевы службы с Тулы, умер»²⁷. К этому времени Анастас уже покинул Иноземский приказ и военную службу.

Длительное пребывание Анастаса Селунского в России открывало перед ним значительные перспективы. Можно предположить, что еще на родине грек имел возможность слышать и отчасти освоил славянскую речь. Эти знания позволили иммигранту быстро войти в новую среду. Находясь на военной службе в России в течение двенадцати лет, в окружении людей, получивших навыки устной русской речи в различных регионах Московского государства, Анастас Селунский научился понимать язык своей новой родины. В Иноземском приказе находились представители самых различных народов. Здесь были как выучившие русский язык иностранцы, так и русские люди, вернувшиеся из плена и обладавшие опытом ведения боя иных государств. Вследствие этого в вышедших из-под пера Анастаса Селунского текстах прослеживается влияние элементов южнославянских (сербского, македонского, возможно, знакомых ему еще по Фессалоникам) и украинского или южного белорусского языков [Фонкич, Калугин, с. 284–285]. Причем они сочетались с просторечными выражениями русского языка. Несомненно, вхождение в языковую среду России осуществлялось в полевых условиях, Анастас Селунский учил язык «по разговорному употреблению» [Фонкич, Калугин, с. 284–285], причем лишь в той мере, которая требовалась в повседневной жизни. В. В. Калугин, исходя из языковых особенностей выполненных Анастасом Селунским переводов, делает вывод о владении греком лишь ограниченной русской лексикой. Иностранец мог говорить только на ломаном русском языке. Тем удивительнее выглядит контраст его знаний и каллиграфии. Анастас Селунский освоил не только устный русский язык, но и письменность. Это использовали его товарищи по службе. Он нередко расписывался за других греческих иммигрантов в окладных книгах Иноземского приказа. Кто был его наставником, мы не знаем. Но ни церковнославянского, ни русского канцелярского языка Анастас Селунский не

²³ Там же. Л. 3.

²⁴ Там же. Л. 5.

²⁵ «1624 июня 10 по государеву МФ указу по памяти // за приписью дияка Савы Раманчукова государева жалованья греченину Костянтину Юрьеву сну Селунскому 4 аршина сукна лундышу мясного цвѣту цена по 60 алтын аршинъ да 4 аршина тафты виницѣйки свѣтло-зеленой цена по 23 алтына по 2 деньги аршин, 40 куниц башкирских цена 12 рублей (дано). А пожаловал государь ево за то, что он выѣхал на государево // имя служить в нынешнем во 132 году з государевыми посланники из Царя-города. Память прислана июня въ 8 числе» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 209. Л. 470 об.—471 об.).

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 40. Л. 144 об.

²⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 68. Л. 232.

учил [Фонкич, Калугин, с. 284—285], русской грамоты не освоил. Однако он обладал очень хорошим почерком. Остается предполагать деятельность грека при штабной канцелярии и его помощь подьячим Иноземского приказа в ведении делопроизводства. Иностранец правильно переписывал текст, плохо понимая его смысл. Не исключено сотрудничество Анастаса Селунского и со служащими Посольского приказа. Безусловно, он стал хорошим писцом-копиистом, безграмотно говорящим на русском языке [Фонкич, Калугин, с. 284—285].

К 20-м годам XVII в. Анастас Селунский уже настолько хорошо освоился в русском обществе, что попытался изменить судьбу. Он овладел русским языком в той мере, что мог попробовать сменить ведомство. При отсутствии документов для вступления в привилегированное сословие наиболее заманчивой перспективой для служилого военного иностранца был переход в дипломатическое ведомство. При любой возможности иностранцы стремились покинуть армейскую службу и стать переводчиками. Распространенной практикой того времени был путь иностранцев из Иноземского в Посольский приказ [Куненков, 2007; Куненков, 2012].

Не исключено, что сотрудничество с Посольским приказом Анастас Селунский начал еще на военной службе, подвизаясь на переводческом поприще или как переписчик. Как отмечалось, к 1624 г. его уже знали толмачи дипломатического ведомства, сообщившие его родственнику о нем и давшие лестную характеристику его положения на новой родине. Сейчас невозможно точно определить, чем была вызвана столь хорошая осведомленность чиновников Посольского приказа: совместной профессиональной деятельностью или же тесными связями в рамках греческой общины Москвы. Анастас Селунский был женат. Возможно, брак помог ему установить связи с греческими толмачами и переводчиками Посольского приказа. В любом случае, Анастас Селунский контактировал со служащими Посольского приказа, располагавшими информацией об открывающихся вакансиях в дипломатическом ведомстве. Как только появилась соответствующая возможность, он ею сразу воспользовался.

К 1627 г. назрела необходимость расширения штата греческих переводчиков и толмачей. После гибели в Крыму с посольством Ивана Бегичева толмача Христофора Греченинова в Посольском приказе осталось всего два человека, знающих греческий язык: представитель родовой аристократии уже упоминавшийся сын селунского воеводича Иван Селунский [Лисейцев, 2015, с. 214—215; Куненков, 2007; Куненков, 2012], а также бывший пленник Османской империи калужанин Борис Богомольцев [Куненков, 2007; Степанова].

В этот период шла активная подготовка к Смоленской войне и формирование антипольской коалиции, что, в частности, породило активизацию дипломатических связей с Портой. Проводником русско-турецкого сближения выступил турецкий дипломат Фома Кантакузин, подготовивший во время своего пребывания в русской столице в 1627 г. проект союзного договора двух стран [Фонкич, Калугин, с. 261; Флоря, 2004]. Резко возросла иммиграция «гречан» в Россию. К прибывающим выходцам должны были назначаться приставы и переводчики. В Иноземском приказе готовились создать особую «греческую роту». Видимо, в дипломатическом ведомстве ощущалась нехватка специалистов для перевода с греческого языка. Кроме того, становилось ясно, что в ближайшее время все военные Иноземского приказа примут участие в активных боевых действиях. В этой ситуации Анастас Селунский в 1627 г. подал челобитную с просьбой о зачислении в штат Посольского приказа. Он говорил о своем владении греческим, сербским, турецким, татарским и освоенным русским языками²⁸.

Выбор властей, очевидно, был определен связями Анастаса Селунского в Константинополе. В Османской империи у служилого иноземца оставались многочисленные родственники, среди которых был и севастикийский митрополит Иосиф. Подчеркнуть этот важный факт мог находившийся

²⁸ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1627 г. Л. 1.

в русской столице турецкий посол Фома Кантакузин. Наличие столь влиятельной родни, способной оказать поддержку русской дипломатии, стало основным аргументом для властей. В России в этот момент насчитывалось более ста греческих иммигрантов, прежде всего, в Иноземском приказе. Но выделили среди прочих рядовых греческих военных именно Анастаса Селунского. На место в Посольском приказе указали именно ему, не владеющему латынью, безграмотно изъяснявшемуся по-русски и из профессиональных навыков освоившему лишь русское деловое письмо.

Сохранились материалы о своеобразном экзамене, который выдержал Анастас Селунский. Аттестовать претендента призвали единственных оставшихся специалистов — переводчиков Ивана Селунского и Бориса Богомольцева. Эксперты положительно оценили знания Анастаса Селунского как в греческом, так и в русском языке: «И дьяки думной Ефим Телепнев да Максим Матюшкин велели греченину Анастасу написать письмо греческим письмом, а Посольского приказу переводчиком Ивану Селунскому то его письмо перевести и свое письмо, греческим письмом написав, дати перевести Анастасу. И переводчики Иван Селунской да Борис Богомольцев письма греческие и руския меж себя списывали и друг у друга письма греческие переводили»²⁹. Отзыв экзаменаторов с их «рукоприкладством» (подписью) занесен в дело о приеме нового служащего. Плохой русский язык претендента не стал препятствием. Мнения были высказаны только положительные. По результатам экзамена Анастас Селунский был зачислен в Посольский приказ³⁰. Ему оказало доверие руководство дипломатического ведомства.

В ноябре 1627 г. в Иноземский приказ из Посольского поступила память об исключении имени Анастаса Селунского из списков военных: «Указал государь взять из Ыноземского приказу в Посольской приказ для толмачества и переводу греческого языку иноземца выезжего греченина Анастаса Селунского. И по государеву указу тот греченин Анастас Селунской в Посольской приказ для толмачества и переводу греческого языку взят. И велено ему быти и ведати его во всем вперед в Посольском приказе. И велено выписать в служилом списке греченина Анастаса, что взят к государеву делу в Посольской приказ»³¹. В окладных книгах Иноземского приказа появилась запись: «И ноября в 20 день в памяти ис Посольского приказу за приписью дияка Максима Матюшкина написано: по государеву указу велено ему Анастасу для толмачества и переводу греческого языка быти в Посольском приказе. И память в Большой приход, что ему поденной корму и на лошадь иво кормовых денег, по указу из Ыноземского приказе впредь в Большом приходе давать не велено. Декабря в 8 день послана»³². Отныне иноземец мог с гордостью писать в своих челобитных: «А... во 135 году взят я к государеву делу в Посольской приказ в греческие переводчики»³³. Новый служащий был зачислен в Посольский приказ с сохранением прежнего оклада³⁴.

Сразу после приема в Посольский приказ Анастас Селунский был привлечен к переводу важных документов, полученных от Фомы Кантакузина. Объем материала был столь значительным, что потребовал большого напряжения. Совместно с Борисом Богомольцевым Анастасу Селунскому поручили срочно выполнить работу. Власти оценили их вклад и 11 декабря 1627 г. наградили за усиленный труд: «Да греческим переводчиком Борису Богомольцову, Анастасу Селунскому на корм по гривне человеку... сидели за переводы греческихъ и турских грамот, что привез турский посол Тома Кантакузин»³⁵.

Тем временем расширение штата Посольского приказа последовательно продолжилось. При наличии трех переводчиков (Ивана Селунского, Анастаса Селунского и Бориса Богомольцева)

²⁹ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1627 г. Д. 6. Л. 8.

³⁰ Там же.

³¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628 г. № 3. Л. 7.

³² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 40. Л. 154.

³³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1628 г. № 8. Л. 1.

³⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1628 г. Д. 1. Л. 213.

³⁵ РГАДА. Ф. 137. 1627 г. Оп. 1. № 16. Л. 11–11 об.

ощущался недостаток толмачей. Уже на следующий год после зачисления Анастас выступил экспертом при проверке другого претендента. Вновь источником пополнения переводческих кадров стал Иноземский приказ. Рядовой Иноземского приказа Николай Дмитриев³⁶ подал челобитную с прошением о зачислении в штат дипломатического ведомства. В Посольском приказе была собрана комиссия, в работе которой Анастас Селунский принял участие наравне со своими бывшими экзаменаторами. К этому времени он считался равноправным сотрудником дипломатического ведомства и признанным специалистом в родном языке. Проверив качество устного перевода иностранного военного, комиссия вынесла положительное решение. Анастас Селунский вместе с другими переводчиками рекомендовал принять на должность толмача своего бывшего сослуживца по Иноземскому приказу (не исключено, что он и сообщил ему о вакансии): «греческие переводчики Иван Селунской, Борис Богомолцов, Анастас Селунской про греченина Миколая сказали, что он греческому и русскому языку достаточно умеет и в Посолском приказе у греческого дела в толмачех быти пригодитца»³⁷. Вынося вердикт, все участники слушания поставили свои подписи. Среди них сохранился и русский автограф Анастаса Селунского³⁸. Он обладал замечательным почерком, что продемонстрируют и его последующие переводы.

Сразу после экзамена Анастас Селунский направляется в Стамбул. В Москве находились переводчики Посольского приказа Иван Селунский и Борис Богомольцев, но выбор пал именно на Анастаса. Возможно, Иван Селунский в силу преклонного возраста считался неспособным переносить тяготы долгих и опасных заграничных путешествий. Наиболее вероятно, от длительных поездок отказывался и он сам. Но позже ему не удалось уклониться, и Иван Селунский получил назначение в дипломатическую миссию, после которой скончался. Русский человек Борис Богомольцев в состав посольств пока не включался, что случится позднее.

Можно предположить, что на назначение Анастаса Селунского повлияли его родственные связи как в Москве, так и в Константинополе. Супруга грека могла происходить из среды служащих Посольского приказа. Кроме того, в Константинополе находились члены семьи Анастаса Селунского. Не исключено, что вновь сказалось ходатайство Фомы Кантакузина. Как результат, власти привлекли для зарубежной поездки только что принятого переводчика, плохо владеющего русским языком и не знающего латыни.

В 1628 г., сразу после включения в штат Посольского приказа, Анастаса Селунского зачислили в миссию Семена Яковлева и Петра Евдокимова (Овдокимова)³⁹. Перед поездкой переводчик направил специальное прошение, в котором оговорил необходимость царской финансовой поддержки. Он получил традиционное «жалованье для царегородские посылки»⁴⁰, денежное жалованье на один год, а также запасы продовольствия в дорогу.

Поездка в Османскую империю посольства Семена Яковлева и Петра Евдокимова заняла два года и восемь месяцев. В Стамбуле русские дипломаты находились одиннадцать месяцев. В русской миссии Анастас Селунский оказался единственным переводчиком с греческого языка. Он осуществлял все контакты послов с патриархами Христианского Востока. Правительство Михаила Федоровича направило меха для константинопольского патриарха Кирилла Лукариса и иерусалимского патриарха Феофана. Анастас Селунский неоднократно посещал Кирилла

³⁶ Сохранились сведения о его выезде в 1627 г.: «1627 г. мая в 1 день по государеву указу по памяти и по росписи за приписью дияка Максима Матюшкина государева жалованья греченину Миколая Дмитреву 8 аршин камки адамашки рудо-желтой по 20 алтын аршин да 4 аршина сукна настрафилю лазоревого цена 2 рубли с четвертью (дано). А пожаловал государь ево за выход» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Кн. 282. Л. 317).

³⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628 (7136) г. № 3. Л. 8а.

³⁸ Там же.

³⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1628 г. № 8.

⁴⁰ «...государева жалованья татарским переводчиком Суналею Тонаеву да Анастасу Селунскому 4 аршина сукна настрафилю лазоревого 2 рубли... А пожаловал их государь для царегородские посылки» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 283. Л. 171).

Лукариса, обговаривая процедуру встреч, а после приезда в Константинополь иерусалимского патриарха Феофана сразу прибыл к пастырю⁴¹. Царский переводчик сопровождал русских послов на приеме у константинопольского патриарха, отслужившего молебен о здравии Михаила Федоровича⁴².

Кроме того, Анастасу Селунскому вынуждены были доверить перевод важных документов. Русским дипломатам поступили послания от находящихся в османской столице шведского и венгерского послов. Письма содержали подробности осуществления плана антипольской коалиции с участием России, Швеции, Трансильвании и Османской империи [Фонкич, Калугин, с. 284–285]. Документы, составленные шведским послом Паулем Страссбургом и венгерским послом Михаем Талдаги, были подготовлены на латинском языке⁴³. Однако выяснилось, что никто в русском посольстве не владел латынью, в том числе и Анастас Селунский. В этой ситуации русские представители обратились с просьбой о переводе текстов на греческий язык к константинопольскому патриарху Кириллу Лукарису⁴⁴. Посредником выступал брат Фомы Кантакузина Лавр⁴⁵. Кирилл Лукарис сразу откликнулся на прошение Семена Яковлева и Петра Евдокимова, в распоряжении которых вскоре оказалась греческая версия латинских посланий Михая Талдаги и Пауля Страссбурга⁴⁶. С греческого на русский язык ее перевел Анастас Селунский⁴⁷. Характер его перевода и языковые особенности подробно рассмотрены в статье Б.Н.Фонкича и В. В. Калугина, давшим нелестную характеристику профессиональных качеств Анастаса.

В Константинополе царские послы столкнулись с еще одной языковой трудностью. Традиционно в Константинополь назначалось два переводчика: с турецкого и греческого языков. В посольстве Семена Яковлева и Петра Евдокимова помимо Анастаса находился переводчик Суналей Тонаев. Однако он погиб в дороге: «И судом божиим татарского переводчика Синалея в дороге под Козловым не стало»⁴⁸. Тогда же тяжело заболел и Анастас Селунский: «А греческой переводчик Анастас во Царе-городе лежит болен»⁴⁹. Но именно на него легла обязанность переводов с турецкого языка: «А как греческой переводчик Анастас обможетца, и мы (Семен Яковлев и Петр Евдокимов. — Т. О.) с везирями с пашами сведемся»⁵⁰. Толмачу Афанасию Кучумову не доверяли.

В период пребывания в турецкой столице Анастас Селунский выполнял разнообразные функции, в частности курьера русского посольства. После выздоровления его направили к Хасану-паше обговаривать встречу с Устрепом-пашой⁵¹, которому он и отнес царские дары. Вскоре с подарками Анастас Селунский побывал у капудан-паши Хасана⁵². На Анастаса Селунского возложили ответственность за подготовку аудиенций русских дипломатов у турецких должностных лиц. Он добился назначения приема у визиря Резепа-паши. Важно отметить,

⁴¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1628 г. № 3. Л. 163–164. Сведения указаны З. Е. Оборновой, за что приношу глубокую благодарность.

⁴² Там же. Л. 121, 126.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. № 2. Л. 221. Сведения предоставлены З. Е. Оборновой, за что приношу глубокую благодарность.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1628 г. № 2. Л. 340; № 3. Л. 151–152. Сведения предоставлены З. Е. Оборновой, за что приношу глубокую благодарность.

⁵² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. № 3. Л. 202. Сведения предоставлены З. Е. Оборновой, за что приношу глубокую благодарность.

что помощь оказывал и Фома Кантакузин⁵³. Вместе с послами турецкий дипломат и царский переводчик были на приеме у визиря Резепа-паши. Русский переводчик греческого происхождения и видный фанариот занимали в расписанном протоколе аудиенции одинаковые места. Во время торжественной трапезы, устроенной визирем для представителей московского правительства, Анастас Селунский находился рядом с Фомой Кантакузином и подьячим за посольским столом⁵⁴, что, по мнению исследователей [Фаизов, Мейер], означало невысокий статус Фомы Кантакузина. В последствии Анастас Селунский и Фома Кантакузин сопровождали послов на приеме по случаю отъезда у султана и визиря.

Позже Анастас Селунский подробно опишет свои заслуги: «А как государские послы пришли в Царьгород и я у государского дела у послов был в переводчиках один, толмачил у турецкого царя и у визиря и у Устрев-паши и капитан Хасан-паши и у царегородского патриарха Кирила (Лукариса. — Т. О.)»⁵⁵; «И будучи во Царе-городе государем служил и государским делом промышлял... и за государским делом как послы посылали, ходил беспрестанни, где визири и паши сидят в думе, и на дворе у визиря и у Резепа-паши и у капитан-паши для государских дел ходил по вся дни, государем радел»⁵⁶. Переводчик даже уточнил сумму, которую потратил на подношения турецким чиновникам: «А в те поры учинилось мне убытку, ходячи придверником, чтобы для государских дел пуццали, 12 рублей»⁵⁷.

Однако Анастас Селунский владел лишь устной турецкой речью. Письменность ему была незнакома, поэтому при прочтении ярлыков на письмах к государю, присланных Хасаном-пашой 22 июня 1629 г.⁵⁸, послам пришлось прибегнуть к помощи Хасана-паши и константинопольского патриарха Кирилла⁵⁹.

В османской столице Анастас Селунский мог рассчитывать на помощь родственников: севастийского митрополита Иосифа и родного брата Михаила. Оба, оказав содействие русским дипломатам, пожелали перебраться в Россию. Михаил вошел в русское посольство еще в Константинополе. Митрополит Иосиф выехал в том же 1630 г., но вместе с турецким посольством Фомы Кантакузина [Каптерев, с. 162]⁶⁰. Как отмечалось, во время поездки Анастас Селунский тесно контактировал с влиятельным фанариотом.

Кроме того, к посольству Семена Яковлева и Петра Евдокимова примкнули и другие греки с целью переселения в Россию. Среди них был уроженец Фессалоник Дмитрий Федоров Селунский. Он также принадлежал к семье Анастаса Селунского. Севастийский митрополит Иосиф назовет Дмитрия Федорова Селунского своим «племенником»⁶¹, что позволит иммигранту стать стольником патриарха Филарета. Можно предположить, что переводчик помог всем родственникам и землякам попасть в Россию. В свою очередь, он пользовался их контактами и влиянием в Константинополе. Как известно, севастийский митрополит Иосиф имел информаторов из ближайшего окружения султана.

Но возвращение на родину оказалось для участников посольства крайне драматичным. Русско-османские отношения вновь осложнились из-за набегов донских казаков. Особое

⁵³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 2. Л. 342; № 3. Л. 155. Сведения предоставлены З. Е. Оборневой, за что приношу глубокую благодарность.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1628 г. Д. 3. Л. 105.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1628 г. № 8. Л. 1.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1628 г. № 8. Л. 1

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. № 3. Л. 231–232; РГАДА. Оп. 1. № 2. Л. 364–365: «...а у нас холопей ваших турецкого переводчика нѣт // ѣдучи во царь город на дороге в козлеве умер и тѣх ярлыков прочесть и перевесть нѣкому». Сведения предоставлены З. Е. Оборневой, за что приношу глубокую благодарность.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. № 3. Л. 237–238; № 2. Л. 371. Грамоты к патриарху отвозил Фома Кантакузин.

⁶⁰ 15 октября 1630 г. севастийский митрополит Иосиф обратился с прошением о пожаловании ему мантии и шубы (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1630 г. № 4).

⁶¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1630 г. № 13.

негодование грабительские походы вызывали у крымских властей. Свой гнев они изливали на русских дипломатов. За время пути посольство Семена Яковлева и Петра Евдокимова столкнулось с чередой невзгод. Миссию задержали в Крыму, где началась эпидемия. Во время вынужденного пребывания там тяжело заболел Анастас Селунский. Смерть унесла его брата Михаила, так и не достигшего границ России. Переводчик похоронил брата в Керчи. Заразился и умер сопровождающий Анастаса холоп. По словам переводчика, у него, беспомощного и одинокого, лежащего при смерти в горячечном бреде, унесли все ценности. Имущество было разграблено.

Пережив горе и болезни, выжив после эпидемии, Анастас Селунский подвергся новым испытаниям. Когда, наконец, члены русской дипломатической миссии получили возможность сесть на корабль, в пути их встретила непогода. Судно настигла буря, корабельная команда стала сбрасывать в море балласт, в первую очередь вещи, принадлежащие русскому посольству.

Добравшись до русской территории, дипломатам были вынуждены перезимовать на территории Войска Донского, дожидаясь весны и начала судоходства: «Как мы пришли на Дон в козацьи в нижни юрты, и на Дону зимовали, и корм покупали дорогою ценою»⁶².

С открытием навигации посольство смогло отправиться в Москву. По возвращении в столицу 23 мая 1630 г. Анастаса Селунского ждал новый удар. За время отсутствия в Москве сгорел его дом. Жена со слугами вынуждены были искать новое жилище⁶³.

После тягостного странствия Анастас Селунский пересчитал и суммировал все свои издержки, оценив их в 145 рублей. Он тщательно подсчитал все расходы, учтя деньги, потраченные на подношения турецким чиновникам в Константинополе, на проживание во время вынужденных задержек в Кафе, Азове, Керчи и на Дону, а также на погребение брата Михаила. Указал он и стоимость потерянного имущества.

Заслуги участников посольства, в том числе и Анастаса Селунского, были оценены властями. Ему возместили столь крупные потери, сократив требуемую сумму. Размер компенсации, о которой он просил, чиновники уменьшили наполовину, и она составила 72 рубля и ткани. Одновременно Анастасу Селунскому повысили денежный оклад.

Кроме того, вернувшись в Москву после дипломатической миссии Анастас в 1630 г. в числе других «кормовых иноземцев» получил поместье в Алатарском уезде⁶⁴. Ему выделили именье из выморочного имущества — примерной земли боярина А. Ю. Сицкого⁶⁵. «Кормовым иноземцам» Анастасу Селунскому, Николаю Кралеву, Григорию Сербину, Дмитрию Михайлову, Ягану Брону дали по 180 четей. Таким образом, из своих 500 чети назначенного ему поместного оклада Анастас Селунский обрел реальное наполнение в 180 чети. За переводчиком записали село Лобачево в Кишском стане Алатарского уезда, где находилось 5 дворов, населенных 8 крестьянами. С этого момента имя Анастаса Селунского значилось в списках «испомещенных» переводчиков Посольского приказа⁶⁶.

В Москве Анастас Селунский приступил к исполнению своих непосредственных обязанностей, работая с направленными в дипломатическое ведомство бумагами. Так, в 1630 г. в Посольский приказ поступил донос от греческих купцов на иммигранта, назвавшегося князем Дмитрием Палеологом. Купцы обвиняли лжекнязя в неоплаченном долге, прилагая подписанные Палеологом заемные документы. Анастас Селунский был привлечен к работе следствия. Он осуществил перевод текстов кредитных обязательств: «(Купцы. — Т. О.) положили лист, писан по-гречески. И тот лист переведен по-руски... Перевел Анастас Селунской»⁶⁷.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. № 6511. Л. 378—394.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1630 г. № 3. Л. 8; Ф. 141. Оп. 1. 1622 г. Д. 12. Л. 2.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 37. Л. 519—520.

Анастас Селунский переводил свидетельствованные грамоты патриархов Константинопольского Кирилла Лукариса и Иерусалимского Феофана, выданных «греченину» Мануилу Иванову. Предстоятели просили за разоренного долгами единоверца, отец которого, по их словам, был воеводой города Арта в Македонии. Однако после кончины главы семья оказалась обременена непомерными долгами. Мать заключили в тюрьму. В поисках спасения Мануил Иванов направился в Москву, заручившись греческими грамотами с просьбами о возмещении колоссального долга. Перевод текстов поручили Анастасу Селунскому⁶⁸.

Царский переводчик продолжал помогать своим бывшим сослуживцам по Иноземскому приказу. Так, в 1630 г. на документах о продаже вотчины Анастас Селунский расписался за «греченина» Афанасия Арнаута⁶⁹.

В то же время греческий переводчик выполнял поручения, предназначенные толмачам Посольского приказа. Анастаса Селунского неоднократно определяли приставом к новым иммигрантам из Османской империи. Грек устно переводил и сопровождал Анастаса и Федора Алибеевых-Макидонских, а также Дмитрия Альбертуса-Далмацкого. Известно, что в 1630 г. он доставил братьев Анастаса и Федора Алибеевых-Макидонских с греческого подворья в Посольский приказ⁷⁰. Вместе с прочими толмачами и переводчиками Посольского приказа Анастас Селунский расспрашивал находившихся в Москве греческих иерархов и купцов о происхождении иммигрантов⁷¹.

Кроме того, в 1630 г. Анастас Селунский должен был сопровождать Дмитрия Альбертуса-Далмацкого из Посольского в Разрядный приказ. После зачисления родовитого иммигранта в московское дворянство его перевели в ведение Разрядного приказа, в который его препроводил Анастас Селунский⁷².

Налагаемые обязанности толмача не влияли на статус Анастаса Селунского. В 1632 г., вероятно, вскоре после выполнения перевода грамот патриархов с просьбой об оказании «милостыни» Мануилу Иванову, Анастас вновь назначается в русское посольство в Стамбул. Вернувшийся из посольства в 1630 г. Иван Селунский умер. В Посольский приказ зачислили нового переводчика — Федора Черкасова. Тем не менее Анастаса Селунского вновь ввели в дипломатическую миссию. Его назначили в посольство Афонасия Осиповича Прончищева и Тихона Васильевича Бормосова, состоявшегося в 1632—1633 г.⁷³ [Лисейцев, 2003, с. 384]. Перед выездом переводчик получил жалованье⁷⁴.

Как и ранее, через Анастаса Селунского русские послы осуществляли контакты с константинопольским патриархом Кириллом Лукарисом⁷⁵ и иерусалимским патриархом Феофаном⁷⁶. При помощи переводчика Афонасий Осипович Прончищев и Тихон Васильевич Бормосов обсуждали способ передачи даров и участвовали в патриаршем богослужении.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 16. Стб. 2. Л. 199, 203.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 855. Л. 157.

⁷⁰ «И по твоему государеву указу, а по нашему (Алибеевых-Макидонских. — Т. О.) отчеству с выезду нашего велено у нас быти в приставех московскому дворянину да переводчиком Анастасу Селунскому да Борису Богомолу да толмачу Петру Красникову» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 35).

⁷¹ «...в те поры были (на Москве. — Т. О.) многие греческие архимариты и приезжие гречане. И посыланы были к тем ко всем властям переводчики Анастас Селунской да Борис Богомол да толмач Петр Красовской допрашивать про наше (Алибеевых-Макидонских. — Т. О.) отчество» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 35).

⁷² «...а служить ему (Дмитрию Альберту. — Т. О.) во дворянх по московскому списку... Послан в Розряд з греческим переводчиком с Анастасом Селунским» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1630 г. № 27. Л. 21).

⁷³ РГАДА. Ф. 89. 1632 г. № 2. Л. 42.

⁷⁴ «(1632) июня в 27 день. По государеву Михаила Федоровича указу за приписью... дьяка Максима Матюшкина государева жалованья Посольского приказу переводчиком греченину Анастасу Селунскому да татарскому Мустофе Тафкелеву по 4 аршина сукна лазоревое по 2 рубли. А пожаловал государь их для царегородские службы» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 287. Л. 367).

⁷⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1632 г. № 3. Л. 367—368. Сведения предоставлены З. Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

⁷⁶ Там же. Л. 284—285.

Вновь навыки и опыт Анастаса Селунского использовались русскими послами при ведении переговоров в диване о назначении правительственных аудиенций. Первоначально совместно с турецким послом Ахметом-агой, вернувшимся с русской миссией, Анастас Селунский сообщил визирю Мегмету-паше о прибытии царских дипломатов⁷⁷. Но правительство султана Мурада IV, изменившего свои планы об участии в Смоленской войне, демонстративно оттягивало встречу⁷⁸, при этом не отпуская послов из османской столицы⁷⁹. Анастас Селунский был вынужден неоднократно напоминать об аудиенции в течение нескольких месяцев.

Пребывание в Османской империи вновь повлекло издержки. Переводчик занял у некоего Лаврентия (очевидно, греческого купца) значительную сумму — 250 ефимок, а также драгоценный предмет: «Тово Анастаса... И по сем ему понадобилось на дорогу, потому что у него не стало. И он занял у Лаврентия двести пятьдесят ефимков да запонку золотую с одною жемчужиною да и с камешки, и потом поехал, харчующи дорогою, едуци к государеву царствию»⁸⁰; «Перевотчик Анастас, будучи в Царе-городе на поезде, занял на дорогу у Лаврентия 250 ефимков да запонку золотую с жемчужинкою да с камешки»⁸¹. Поручителями займа, видимо, выступили патриархи Константинопольский Кирилл Лукарис и Иерусалимский Феофан. В составленном ими документе долг описывается вынужденной мерой: царскому переводчику не хватало на пропитание во время обратного пути на родину. Но такие огромные суммы, скорее всего, понадобились на иные цели. Наиболее вероятно, Анастас Селунский, как и ранее, вынужден был одаривать турецких чиновников из собственных средств. Вероятно, он также рассчитывал на возвращение потерь из царской казны. На обратном пути переводчик вместе с участником турецкой дипломатической миссии Мустафой-агой заняли у послов (очевидно, турецких) по 33 рубля⁸². Всего убытки Анастаса Селунского от этой поездки были оценены в 187 рублей⁸³.

Известно и о другой стороне деятельности русских дипломатов в Константинополе. К ним постоянно обращались греки, стремящиеся перебраться в Москву. Среди них были Дмитрий Нотарий (Нехторий) и Афанасий Микулаев (Николаев), за которых письменно ручался константинопольский патриарх Кирилл Лукарис.

Дмитрий Нотарий (Нехторев, Нахторев) с помощью Анастаса Селунского поведал о постигших его бедствиях⁸⁴. Этот уроженец Патр говорил о своей помощи русским пленникам, которых он спасал из турецкой неволи. За это, а также за критику ислама Дмитрий Нотарий подвергся гонениям со стороны турецких властей: «Агаряне за то, что отпускает пленных православных христиан... и за то, что он хулит веру их, хотели его зжечь»⁸⁵. Видимо, под угрозой смерти Дмитрий Нотарий согласился перейти в мусульманство. За обращение его вознаградили почетной должностью «чеуша». Однако грек сохранял надежду на возвращение в веру предков: «И, не хотя быть в величестве и в чести и в славе и в богатстве у нечестивых агарян, паче благочестивых веры оскорблялся о том с великим воздыханием и желал возвратиться в православие»⁸⁶. Помощь грек мог найти у главы Великой церкви. По сообщению Дмитрия Нотария, он бежал и нашел приют у константинопольского патриарха Кирилла Лукариса. Предстоятель вернул единоверца в православие вторым чином: «Дал его под начало и помазал его миром и велел ему ехать на

⁷⁷ Там же. Л. 45.

⁷⁸ Там же. Л. 47.

⁷⁹ Там же. Л. 189–190.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1635 г. № 7. Л. 37–38. Сведения предоставлены З. Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

⁸¹ Там же. Л. 73.

⁸² РГАДА. Ф. 89. 1642 г. № 3. Л. 59.

⁸³ Там же. Л. 60.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1634 г. № 14.

⁸⁵ Там же. Л. 5.

⁸⁶ Там же.

государево имя в Москву»⁸⁷. Остаться на родине далее было невозможно: исповедовать христианство бывший мусульманин мог только вне границ Османской империи. Кирилл Лукарис дал рекомендательную грамоту и направил Дмитрия Нотария к русскому посольству. Русские послы, опасаясь осложнений, предложили ему войти в его мусульманском обличье в свиту турецкой миссии. Очевидно, грек должен был скрывать факт своего возвращения в православие. Турецкое посольство Алеи-аги совместно с русскими дипломатами выехало в Москву.

В пути Дмитрий Нехторий горячо убеждал Анастаса Селунского поддержать его: «А греческого языка переводчик Анастас Селунской сказал, что де тот греченин (Дмитрий Нотарий. — Т. О.) ... как де ехали к Москве, и в дороге де тот греченин говорил ему Анастасу беспрестанно, чтоб государь пожаловал, велел ево из бусурманских рук свободити, чтоб ему православной христианской веры не отбыть. А он де рад государю служить и голову свою за него государя в православной христианской вере положить»⁸⁸.

Доехав до русской столицы, Дмитрий Нотарий попытался принять русское подданство и обратился в Посольский приказ. Но власти категорически отказались помогать члену турецкой миссии. Во избежание международного конфликта они не хотели вызвать подозрений в переманивании мусульманских подданных султана и поощрении их перехода из ислама в православие.

У Анастаса Селунского возникли проблемы. В конце 1633 г. переводчика вызвали на допрос. Судья Посольского приказа хотел узнать, не нарушал ли он запретов на любые контакты с иностранными миссиями вне поездок. Анастасу Селунскому пришлось оправдываться: «А приехав де к Москве, он Анастас с тем греченином не видался, и без государева указу видетца с ним не смеет... а ныне де тот греченин ... с турским послом с Алеи-агою на Москве»⁸⁹.

Убедившись в преданности Анастаса Селунского, власти все же не решились помочь Дмитрию Нотарию. Грека отправили обратно, принятие подданства не состоялось. Ему пришлось уезжать из Москвы в составе турецкой миссии. Но по дороге, добравшись до последнего пункта — Воронежа, Дмитрий Нотарий покинул посла. «Чеуш» сбежал из свиты Алеи-аги и пришел к воронежскому воеводе, вновь заговорив о своем стремлении остаться в России. Переписка воеводы и судьи Посольского приказа закончилась для Дмитрия Нотария благополучно. Его, в конечном счете, допустили к Москве, где был оформлен выезд. Теперь бегство от турецкого посла выглядело заслугой и верностью православию, а высокий статус «чеуша» определил значительные суммы пожалований⁹⁰. Все это обеспечило иммигранту зачисление в Государев двор.

С посольством Афонасия Осиповича Прончищева и Тихона Васильевича Бормосова в Россию прибыли также три выходца из Фессалоник: Антон Дмитриев Селунский, его племянник Афанасий Кириллов Селунский, а также не являющийся членом их семьи Аврам Тарасьев Селунский (Панков). Антон Дмитриев Селунский обладал рекомендательной грамотой иерусалимского патриарха Феофана, что позволило ему сразу войти в Государев двор. Позже за него будет заступаться иерусалимский патриарх Паисий. Сейчас же в России Антон Дмитриев Селунский оказался связан с севастиийским митрополитом Иосифом, который поручил ему ведение своих дел: «И он (митрополит Иосиф. — Т. О.) приказал приказщику греченину призрителю Онтону дворянину»⁹¹. Вероятно, Анастас Селунский и в этот раз оказал помощь землякам и родственникам.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1634 г. № 14. Л. 7.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1634 г. № 1. Л. 49. Сведения предоставлены З. Е. Оборновой, за что приношу благодарность.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ «Октября в 14 день по государеву указу за приписью // дьяка Максима Матюшкина государева жалованья греченину Дмитрею Нотарею 8 аршин камки куфтерю черленой по 1 рублю аршин, 4 аршина сукна настрафилю лазоревое 2 рубли. А пожаловал государь ево за то, что он остался на государево имя от турского посла от Алея-аги. А память в Сибирский приказ о 40 соболей в 20 рублей послана» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 290. Л. 95—95 об.).

⁹¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1635 г. № 7. Л. 73.

По возвращении в конце 1633 г. Анастас Селунский стремился погасить долги, инициатором выступил участник турецкого посольства Мустафа-ага. Поданная Анастасом Селунским и Мустафой-агой совместная челобитная (не сохранилась, известна из последующей документации) имела успех. Руководство Посольского приказа согласилось оплатить заем. Каждому из просителей, как русскому, так и турецкому, выдали по 33 рубля. Вероятно, Анастас Селунский планировал передать долг в Константинополь, но не успел.

В Москве Анастас Селунский вновь приступил к своим обязанностям в Посольском приказе. В начале 1634 г. он осуществил перевод рекомендательного письма Афанасия Микулаева (Николаева), также прибывшего с посольством Алеи-аги. Турецкие послы не удерживали православного грека, и он беспрепятственно получил в Москве русское подданство⁹². Иммигрант обладал грамотой константинопольского патриарха Кирилла Лукариса⁹³. Заступаясь за иммигранта, глава Вселенской церкви ярко описал бедственное положение именитого грека на родине: «Сеи христианин Афанасеи Микулаев есть богатоу роду чеснаго великаго, и предал в природину своего роду Кастория к сеи нынешние времена стале не по-прежнему, и во всех местах стало великое насильства от нечестивых агарян, аки лютые лви супротив православных христиан и многи насильства чинят. И невозмог он Афанасеи тамо пребывати и терпети таких напрасненных тяжких насильствах, и восхотел и возлюбил отоити от тово своего природину, и приехати и прибегнути ко благоутробию и к великую милостию твоего (Михаила Федоровича. — Т. О.) царского величества и к преблаженствию, как иные от страны сеи прибегли кь вашему царствию, и веселятся и радуются кь христианскому вашему царствию, и пребывают в миреи в тишине. Для тово и сеи Афанасеи приедет с нашей патриаршецким граматем и пишеми поведаемъ ево к ѿ державому твоему царствию и преблаженствию твоему. Воспримите его Афанасия со пресветлим и тишином лицом, что ѿн возлюбил ѿстатися во имя вашего царского величества, да будет и он Афанасеи почтен от вашего царского величества, аки иные греченя, которые пребывают у вашего царского величества, да будет благодарити Господа и да будет всягда слуга верной державному вашему царствию, и сего ради и мы пишем и поведаемо вашему царскому величесту и преблаженствию твоему»⁹⁴.

Вероятно, выполненный перевод стал последней работой Анастаса Селунского. В 1634 г. последовала его кончина. Трудное путешествие подкосило силы переводчика. Видимо, перед смертью он завещал похоронить себя в монастыре (неясно, каком именно). После его смерти жена постриглась в монастырь: «И перевотчик греченин Анастас, приехав из Царя-города, умер. А осталась после жена его пострижена»⁹⁵. Правительство не знало о долге Анастаса Селунского и причитающуюся сумму за издержки в пути, составлявшую, как и в прошлый раз, половину от требуемой, роздало на помин его души. Его годовой оклад — 120 рублей — руководство Посольского приказа решило отдать по монастырям, в том числе в тот, где он был захоронен: «И по смерти ево дано по душе ево в вечной поминок по монастыремъ и где тело ево лежитъ за государево жалование, что было ему довелось за ту службу дати живому, всего 120 рублей, чтоб душа ево без поминовения не была»⁹⁶.

⁹² «Марта в 20 день по государеву указу и по памяти за приписью // думново дьяка Ивана Грязева государева жалованья гречаном, которые остались на государево имя от турского посла от Алея-аги Офонасью Миколаеву да Костентину Иванову по 8 аршин камки адамашки желтой мелкотравной по 30 алтын аршин, да по 4 аршина сукна кострышу тмосинево по 2 рубли с полтиною портище, да вместо кунит по 40 соболей» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 290. Л. 477–477 об.).

⁹³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1634 г. № 2. Л. 40–44. Сведения предоставлены З. Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

⁹⁴ Там же. Л. 42–43.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1635 г. № 7. Л. 73. Сведения предоставлены З. Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 89. 1642 г. № 3. Л. 59. Сведения предоставлены З. Е. Оборневой, за что приношу благодарность.

Кончина Анастаса Селунского совпала с крупными событиями в России: кончиной патриарха Филарета, поражением в Смоленской войне. Москву стали покидать греческие духовные иммигранты. Отправился в дорогу и севасти́йский митрополит Иосиф, обстоятельно описав причины: «Как, государь, отца твоего, государева, блаженные памяти великаго государя Святейшаго Патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси, милостиваго отца, пастыря и заступника нашего, волею Божею не стало, и я, нищей твой богомолец, осиротел, яко овца заблудшая стал. А в твоей государевой благочестивой державе твоих государевых богомольцев немало и без меня последнего»⁹⁷. Пастырь присоединился к посольству Ивана Гавриловича Кондырева и дьяка Сергея Матвеева.

Двоюродный брат Анастаса Селунского — митрополит Иосиф — хорошо знал о долге Анастаса Селунского, оставшемся неоплаченным. Находясь в Москве, митрополит не смог прояснить дело с долгом Анастаса: «И он (митрополит Иосиф. — Т. О.), будучи на подъеме с послами царствия твоего с Иваном Гавриловичем да з дьяком с Сергеем Матвеевичем, и в те поры ему не давано было досмотрети тех дел преставляшаго Анастаса»⁹⁸. Своим представителем в разрешении долговых обязательств митрополит оставлял своего племянника — Антона Дмитриева Селунского: «И он приказал приказщику греченину призрителю Онтону дворянину»⁹⁹. Надо полагать, русские власти предпочли оставить эти хлопоты без внимания. Возможно, не были предоставлены письменные подтверждения долговых обязательств царского переводчика. Кроме того, деньги, причитающиеся Анастасу, уже были выплачены. Потребовалось вмешательство патриархов Христианского Востока.

Прибыв в Константинополь, митрополит Иосиф известил всех заинтересованных лиц об отсутствии денег. Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис подготовил специальное послание, заручившись поддержкой иерусалимского патриарха Феофана. Греческая грамота о долге Анастаса Селунского была подписана двумя самыми авторитетными в России пастырями Христианского Востока.

Документ вместе с другими важными политическими материалами Кирилла Лукариса отвез в Москву доверенный агент русского правительства — Иван Петров (Тафрали). Купец Иван Петров выступил представителем купца Лаврентия: «И ныне тот Лаврентей приказывает сему приказщику Ивану Петрову о тех ефимках и о запонки, чтоб он привез сюда. И о том пишем и молим царствие твое вмѣсте со светеишим и блаженнейшем иерусалимским патриархом господином Феофаном о Святом Дусе возлюбленным братом и сослужителем, яко праведно и свято есть отдати долг ево, что оставил он (севасти́йский митрополит Иосиф. — Т. О.) у двоюродного брата своего у Анастаса у переводчика, чтоб он ему дал взаимы, да и те бы деньги взяти по приказу Ивану Петрову, какъ пишем выше сего, и привести ему. А по сем Господь Бог покроет и сохранит царствие ваше во многие лѣта в миропоставленье. Аминь»¹⁰⁰; «(в 4-й грамоте Кирилла Лукариса говорилось. — Т. О.) чтоб те ефимки и запонку взяти приказщиком его и отдати греченину Ивану Петрову»¹⁰¹. В этой ситуации власти уже не могли отказаться от решения денежных вопросов и пошли на уступки. Долг возвращать не стали, но Иван Петров увез в Константинополь огромные дары Кириллу Лукарису. Цена собориной «милостыни» как минимум в два раза превышала запрашиваемую сумму: она составила 250 рублей¹⁰².

⁹⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1634 г. № 5. Л. 1.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1635 г. № 7. Л. 37.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. Л. 38.

¹⁰¹ Там же. Л. 73.

¹⁰² Там же. Л. 83. Курс ефимка (таллера — серебряной монеты весом около 28 граммов) составлял 2:1, то есть 1 рубль стоил 2 ефимка. Курс устанавливался государством. Следует учитывать, что за рубежом продажная цена соборей была выше, чем в России.

Дипломатическая переписка глав московского правительства и Кирилла Лукариса оказалась одним из последних упоминаний имени Анастаса Селунского в документации Посольского приказа. Вновь о нем вспомнили в момент выяснения компенсации долга переводчика Бориса Богомольцева, также вынужденного занимать крупные суммы во время поездки в Константинополь¹⁰³.

Подводя итоги жизненного пути Анастаса Селунского в России, можно сказать, что грек провел на новой родине двадцать лет, из которых двенадцать составила военная служба и лишь восемь — переводческая. Он попал в Россию, когда еще не сложилась практика получения рекомендательных грамот от патриархов Христианского Востока. Именно они обеспечивали зачисление в Государев двор. На момент выезда такие иммигранты считались недостаточно родовитыми, чтобы попасть в русское привилегированное сословие. Единственным местом службы для выходцев его уровня — не столь знатных и при этом не относящихся к ремесленному сословию — оказывался Иноземский приказ. Но даже этот статус считался для иммигранта приемлемым, о чем свидетельствуют последующие переселения. Анастас Селунский стремился создать в России свой клан. Его семья разрасталась, он был женат, приехал его двоюродный брат Константин Юрьев Селунский. Но прожить ему здесь довелось лишь 4 года. Он скончался после похода на Тулу. Хотел приехать и родной брат Михаил, но умер еще в дороге. В России с 1630 по 1634 г. находился еще один двоюродный брат царского переводчика — севастикий митрополит Иосиф, развернувший кипучую деятельность. Кроме того, к числу родственников Анастаса Селунского следует отнести Дмитрия Федорова Селунского, назначенного стольником патриарха Филарета, а также Антона Дмитриева и Афанасия Кириллова Селунских, получивших чин московского дворянина-иноземца. Всем им служащий Посольского приказа помогал переселиться в Россию, а затем продвигаться по службе.

Следует отметить, что, будучи в посольствах, Анастас Селунский оказывал содействие всем соотечественникам, терпящим бедствия и желающим найти приют в России. В миссиях с его участием всегда приезжало много иммигрантов.

Чтобы достигнуть подобного влияния в русском обществе, Анастас Селунский усердно учился. Вероятно, славянские языки были ему знакомы еще в Фессалониках. В Иноземском приказе он осваивал русскую письменность. Но в военном ведомстве стал скорее канцеляристом, чем ратником. Овладев навыками письма и, вероятно, ссылаясь на протекции значительных лиц в Константинополе, Анастас Селунский смог убедить русские власти в необходимости смены рода деятельности. Удивительным остается подбор кадров Посольского приказа. Русский язык Анастас Селунский в должной мере так и не освоил и оставался безграмотным. Не знал он и язык науки того времени — латынь. Но для включения в штат дипломатического ведомства оказалось достаточным наличие связей и прекрасное владение русской каллиграфией. Анастас Селунский вошел в Посольский приказ, когда в нем возникла потребность резкого увеличения количества специалистов по греческому языку. Расширение штата греческих переводчиков было вызвано подготовкой к Смоленской войне, которой сопутствовала интенсификация русско-турецких дипломатических контактов. Это обстоятельство обусловило и приток выходцев из Османской империи, в том числе родственников Анастаса Селунского.

Царский переводчик добросовестно выполнял все поручения. Его деятельность была разнообразной и отражала повседневные обязанности сотрудника Посольского приказа. В перерывах между заграничными миссиями Анастас Селунский осуществлял переводы греческих документов, представляемых его соотечественниками в судебных исках, исполнял роль пристава для новых греческих иммигрантов. Заняв ответственную должность переводчика, он даже аттестовал знания греческого языка новых претендентов. Анастасу Селунскому поручались важные переводы

¹⁰³ РГАДА. Ф. 89. 1642 г. № 3. Л. 59–60. Сведения предоставлены Э. Е. Оборновой, за что приношу благодарность.

дипломатической документации как в Москве, так и в Стамбуле. Но зачастую требовалась помощь иных лиц. Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис, лично переводивший для Анастаса тексты с незнакомой ему латыни на родной греческий, тем не менее, оставил о царском переводчике хвалебные отзывы: «Тово Анастаса... будучи он здесь в Царе-городе, служил государю верою и правдою, как и было подобно»¹⁰⁴. За восемь лет службы в Посольском приказе Анастас Селунский дважды побывал в Константинополе, участвуя в русских миссиях в Османскую империю. Это свидетельствует об огромном доверии к нему властей: не все переводчики Посольского приказа отправлялись за границу. Одной из причин являлось наличие в Константинополе информаторов из числа родных и близких. По долгу службы царский переводчик контактировал с Фомой Кантакузином и константинопольским патриархом Кириллом Лукарисом, с которыми мог осуществлять связь благодаря посредничеству своего двоюродного брата — севастийского митрополита Иосифа. Кроме того, наличие родных в османской администрации обеспечивало переводчику протекции в среде турецких чиновников. Заслуги Анастаса Селунского были высоко оценены властями, он был награжден поместьем в Алатарском уезде. Память о владениях Анастаса Селунского осталась в топонимике уезда. До настоящего времени сохранилось село Анастасово, принадлежавшее когда-то царскому переводчику.

Литература

- Димитријевић С. Грађа за српску историју из руских архива и библиотека // Споменик Српске Краљевске Академије. 1922. Т. 53 (45). С. 53–63.
- Захарьина Н. С. Материалы по истории светской эмиграции из Балкан в Россию в первой половине XVII в. в фондах Посольского приказа // Связи России с народами Балканского полуострова. М., 1990. С. 194–209.
- Исторические связи СССР и Румынии. М., 1965. Т. 1, 2.
- Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI–XVII ст. Сергиев Посад, 1914.
- Куненков Б. А. Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство. Дисс. ... канд. истор. наук. Брянск, 2007.
- Куненков Б. А. Переводчики и толмачи Посольского приказа во второй четверти XVII в.: функции, численность, порядок приема. 2012. URL: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=50> (дата обращения: 10.09.2016).
- Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- Лисейцев Д. В. Греческие переводчики и толмачи в Посольском приказе конца XVI — начала XVII в. // Россия и Христианский Восток. М., 2015. Вып. IV–V. С. 202–219.
- Москва — Сербия. Белград — Россия: сборник документов и материалов. Т. 1: Общественно-политические связи XVI–XVIII вв. / Сост.: С. Долгова, Е. Иванова и др. М.; Белград, 2009.
- Народное движение в эпоху Смуты начала XVII в. 1601–1608 гг. Сборник документов. М., 2003.
- Опарина Т. А. Интеграция еврея в русское общество середины XVII в. (Толмач Посольского приказа Иван Селунский) // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга. М., 2003. С. 132–150.
- Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII веков. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. Кн. 1.
- Опарина Т. А. Служилые иноземцы «Селунские» в России в конце XVI — первой половине XVII веков // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции. Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016. С. 396–399.
- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. Л., 1992.
- Степанова Е. С. «У руки государя». Переводчики с греческого языка в Посольском приказе 1620–1670-х гг. Борис Богомольцев // Россия и Христианский Восток. М., 2015. Вып. IV–V. С. 220–225.
- Фаизов С. Ф., Мейер М. С. Письма переводчика османских падишахов Зульфикара-аги царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу, 1640–1656: турецкая дипломатика в контексте русско-турецких взаимоотношений. М., 2008.
- Флоря Б. Н. Выходцы из балканских стран на русской службе (конец XVI — начало XVII в.) // Балканские исследования. М., 1978. Вып. 3. С. 57–63.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1635 г. № 7. Л. 37.

Флоря Б. Н. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV — начала XVI в. Политическая и культурная деятельность // Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. София, 1982. С. 123-143.

Флоря Б. Н. Молдавская, валашская и греческая феодальная эмиграция в русском государстве второй половины XVI — начала XVII в. (по данным русских источников) // Проблемы источниковедения истории Молдавии периода феодализма и капитализма. Кишинев, 1983. С. 73-86.

Флоря Б. Н. Фома Кантакузин и его роль в развитии русско-османских отношений в 20—30-х гг. XVII в. // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. II—III. С. 248—287.

Фонкич Б. Л., Калугин В. В. Кирилл Лукарис и Россия (о происхождении греческого текста документов Габора Бетлена, отправленных в Константинополь) // Специальные исторические дисциплины. М., 2014. Вып. 1. С. 261—304.